

Юрий Гудумак

Новые эксперименты с вакуумом

I

Развязка, с которой можно было отчаиваться столкнуться
еще вчера, пусть и в части вполне абстрактного
малолюдства
заселенных далей, все-таки наступила.
В этих южных краях, что было
бы крайне важно в случае недорода,
передела собственности, войн, смертей. Вещи иного рода,
как-то: где расположено тело? –
никто не знает. Ибо даже в виду предела
человек всегда присутствует годом раньше
или позже. Способность помнить – уже не преданность,
но бесстрашие.
Местность тоже ушла не дальше, безмолвствуя
о промозглых
вечерах городов, о любви, разыгранной на подмостках.
Годы проходят, скорее не обещая
изменений, чем требуя их. Ибо это и есть большая
безмятежная жизнь, убеждающая в обратном
за глаза: не в пример однажды вынужденным объятьям.

II

Безусловно, пространство нуждается в большей
драматургии.
В божествах, в торжестве угла, где живут другие.
Либо – в простой, одинаковой здесь и всюду

перемене препятствия. Днем вопреки абсурду
ночи. Поэтому лучше – время.
Лучше предвидеть вещь превращающейся в отрепья
воробьиных пугал, латающей дыры в ихнем
мраморе. Или – осенним вихрем,
как в песочных часах, осыпающейся на злаках. В этом
смысле зима – горизонт. И летом
небеса улитки ближе иных окраин.
Верные метры подданства, где играем
в идеале цветы и чувства, и где правдивей
может быть только щедрость жертвы, доказанной
перспективой,
как в числе параллельных линий, в награду зре
победившей яви. Как вид потери.

III

Глядя назад, разумеется, легче понять, что память
избирательна, что осенний лист продолжает падать
в торричеллиевой пустоте, что опять же в основе
переворота
действительности – искусственность компоновки:
нечто вроде голландского натюрморта
с его увядающей неподвижностью, зачастую
лишь выигрывающей в золотую
пору от юркнувшей ящерицы, прошмыгнувшей мыши,
вспорхнувшего мотылька. И ты сокращаешь мышцы
под гримасу улыбки: дурные предвестья в прошлом.
Но и помимо этого по подошвам
уходящих холмов не сказать, что пространства
разоблачимы,
как теперь, с расстояния следствия от причины.
Из насиденных этих мест в их единственном многократном
удалении во времени что-то еще представляется вариантом
судьбы. И разгадка длиннее, чтоб быть готовой
четверть века спустя обернуться для памяти катастрофой.

IV

В сумерках расстояний взгляд беспредметен, и для паяца
нет традиции. Птица кладет вдруг яйца
в пустые глазницы трагической маски Древней
Греции. Всякая мысль о прошлом выглядит порельефней,
как и глаз, не увидевший цапки, точней, отнявший
у нас навсегда как минимум образ нашей
безглазой смерти. Потому-то она незрима. Незрима, если
не равна вообще предыдущей жизни. Кто знает, есть ли
теперь хоть какой-то смысл сетовать на замшелость
тени, в полдень показывающей на Север
либо на тот же шелест
писем оттуда в часы заката?
Обстоятельство действия само по себе – загадка.
Серебристые рожицы без оливок
с пятницей дня простираются в мир счастливых.
И весна покрывает пространства, которых зелень
к полуночи не настигнуть зрением.

Кишинев

